
ЧАСТЬ I

**ОТ ЦАРИЗМА
ДО ПОБЕДЫ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	9
---------------------	---

Глава I. ДО РЕВОЛЮЦИИ

«Еврейская политика» царей.	13
Бунд, сионисты, большевики: борьба за еврейскую массу.	26
Явление «чудесного грузина»	33

Глава II. ПЕРИОД ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

От Февраля к Октябрю	45
Сталин против Ленина (проект «автономизации»).	50
«Коренизация» — вакцина против «буржуазного национализма»	58
Погромы и голод: жертвы, пострадавшие, помощь	68
Евсекции как абсорбент Бунда	81
Искоренение правого сионизма	96
Игры с левым сионизмом	120
Удушение ивритской культуры, судьба «Габимы»	127
Зажим иудаизма	132
Южный проект	166
Советизация еврейства и юдофобия в обществе	198
Биробиджан — несостоявшееся убежище от Холокоста.	230
Заккрытие еврейского вопроса, репрессии в ЕАО.	246

Глава III. В ПЕРИОД СТАЛИНСКОГО ПОЧВЕННОЧЕСТВА

Шпионские страсти вокруг Агро-Джойнта	253
Дело «подпольного Бунда»	267

Еврейская идентичность под прессом «большого террора»	277
Начало Второй мировой: встреча евреев СССР и Европы	289
Никто не хотел принимать: Запад и беженцы.	296
Польские евреи: выбор между двумя диктатурами	301
Этнополитическая метаморфоза режима	315
Новая генерация партидеологов	329
СССР—Германия: качели отношений	335
Генезис госантисемитизма	345

Глава IV. В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Советские верхи и трагедия Холокоста.	375
Пропагандистская мобилизация еврейской общественности	388
«Дело Эрлиха—Альтера».	394
Создание Еврейского антифашистского комитета	404
Крымский мираж: проект еврейской республики	410
Рост юдофобии в обществе и во власти	438
Интриги Агитпропа в сфере гуманитарных наук (история, философия)	451
Чистки в учреждениях искусств и литературы.	465
Реакция на травлю	480

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	491
-----------------------------	-----

ОТ АВТОРА

Прошло почти пятнадцать лет с тех пор, как в 2001 г. была напечатана моя монография «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», ставшая первым в нашей стране фундаментальным академическим трудом по данной теме. Это была попытка показать сквозь призму «еврейского вопроса» реальную идейно-политическую динамику и последующую деградацию сталинского режима. По крайней мере, я хотел очертить главные контуры этого важного исторического процесса. Именно в этом и состояла основная моя цель. Для ее полноценной реализации во главу угла были поставлены принцип политически неангажированного научного исследования, основанного на объективном анализе всего комплекса источников, и императив неукоснительного следования канонам классических исторических трудов, чьих выдающихся авторов отличало стремление к глубокому проникновению в суть событий и явлений прошлого.

Руководствуясь данной методологией, я старался, что называется, без гнева и пристрастия осветить роль Сталина в проведении послевоенной «еврейской политики», осмысливая этот фактор в контексте основных социально-политических событий, происходивших в советском обществе. Анализируя и сопоставляя факты, я стремился ответить на ключевой вопрос о том, в какой пропорции соотносились в психологии советского вождя патологическая юдофобия и макиавеллевский прагматизм.

Вспоминаю, что после выхода в свет книга сразу привлекла к себе внимание как профессиональных историков, так и широкой читательской публики. Во всяком случае, когда в 2002 г. был полностью опубликован двухтомник А. И. Солженицына

«Двести лет вместе» (вызвал огромный общественный резонанс и массу противоречивых эмоциональных откликов), в нем уже имелись ссылки на «Тайную политику Сталина», автора которой этот выдающийся современный русский писатель и мыслитель назвал «тщательным исследователем»¹.

И все же считая тогда, что научное постижение феномена советского государственного антисемитизма далеко не исчерпано, я продолжил изыскания по данной проблематике, выявляя в архивах, библиотеках и в ходе общения с очевидцами все новые, ранее неизвестные или давно забытые документы, свидетельства и факты. В результате в 2005 г. был издан сборник документов «Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953» (при содействии Международного фонда А. Н. Яковлева «Демократия»). Успешно защитив в 2008 г. докторскую диссертацию по теме «Политическое руководство СССР и интеллигенция еврейского происхождения (1936–1953)», я вскоре опубликовал ее в слегка переработанном виде в издательстве «РОССПЭН»².

Работая в дальнейшем уже над книгой «Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос» (М., 2012), я продолжил изучение феномена сталинизма и его влияния на национальные отношения в Советском Союзе в период «оттепели». Кроме того, в 2000–2010-х гг. мною было написано немало статей, корректировавших, уточнявших и развивавших многие положения упомянутой монографии 2001 г.

Обобщив в итоге научные наработки последнего времени — как собственные, так и других российских и зарубежных специалистов — и принимая во внимание высокую степень актуальности этнополитических исследований по новейшей отечественной истории, я и принял решение провести капитальную модернизацию текста «Тайной политики Сталина», дав ей тем самым вторую жизнь. В результате и возникла ее новая версия, в которую я постарался включить все тематиче-

---

¹ *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. Ч. II. М., 2002. С. 409.

² *Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009.

ские знания, накопленные за более чем четверть века. Надеюсь, что эта, вновь родившаяся книга заинтересует как коллег, так и широкого читателя.

Хотел бы искренне поблагодарить всех, кто помог мне ценными советами и консультациями. Особенно признателен Виктору Тополянскому. Этот продолжатель благородной традиции общественно-писательского служения, заложенной такими замечательными его историческими коллегами-медиками, как Антон Чехов и Викентий Вересаев, предоставил очень важные для данного исследования документальные материалы.

Глава I

ДО РЕВОЛЮЦИИ

«Еврейская политика» царей

Исторический процесс формирования в России государственной еврейской политики сложен и не поддается однозначной оценке. Его исходный пункт датируется концом XVIII — началом XIX столетия, когда в результате разделов Польши в состав империи вошли земли, населенные евреями. Правившая тогда Екатерина II поначалу не только гарантировала этим новым подданным права на свободное вероисповедание и владение собственностью, но и «совершенно их под державою своей усыновляя», обещала наделить остальными «правами, вольностями и преимуществами, каковыми древние... подданные пользуются»¹. Этот довольно либеральный для своего времени жест хоть и был в значительной мере декларативным, тем не менее свидетельствовал о широте взглядов продолжательницы преобразований Петра Великого. Во всяком случае, налицо был известный прогресс в сравнении с временами Елизаветы Петровны, однажды начертавшей на представлении Сената о пользе допуска евреев в пределы империи следующую резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли»².

Но оказалось, что даже самодержавная властительница была не в состоянии противостоять силе вековых предрассуд-

---

¹ Гессен Ю.И. История еврейского народа в России: В 2 т. М.; Иерусалим, 1993. Т. 1. С. 47.

² Там же. С. 49.

ков, питавших межнациональную и межрелигиозную вражду. В итоге она вынуждена была пойти навстречу настоятельным требованиям столичных купцов, жаловавшихся на то, что в Москве появилось «жидов число весьма немалое», которые наносят торговле «весьма чувствительный вред и помешательство». 23 декабря 1791 г. Екатерина подписала именной указ, ограничивавший предоставление евреям прав «гражданства и мещанства» (запись в купечество и пр.) территорией Белоруссии, Екатеринославского наместничества и Таврической области¹.

Тем самым было положено начало установлению в империи «черты постоянной еврейской оседлости», просуществовавшей вплоть до февраля 1917 г. В нее вошли, в конечном счете, 15 западных и южных губерний. Впрочем, устанавливаемые ограничения в передвижении первоначально не могли считаться чем-то специально дискриминационным в отношении евреев, поскольку и основная масса тогдашнего русского населения — мещане и получившие «волю» только в 1861 г. крестьяне — также не были свободны в выборе места жительства. С этим был согласен и еврейский историк Ю. И. Гессен². Лишь в пореформенный период черта еврейской оседлости стала превращаться в анахронический символ ущемления национальных прав.

В течение XIX в. положение российских евреев то облегчалось, то ужесточалось. Царствование внука Екатерины II Александра I прошло в целом под знаком умеренности в разработке законодательства, регламентировавшего жизнедеятельность евреев. 9 декабря 1804 г. царем был утвержден указ, вводивший в действие «Положение для евреев». В нем закрепились права евреев на приобретение незаселенных земель для занятия хлебопашеством и предусматривалось бесплатное выделение неимущим казенных земель. Указывалось, что евреи «могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех российских училищах, гимна-

---

¹ Цит. по: Гессен Ю. И. Указ. соч. Т. 1. С. 77–78.

² Там же. С. 79.

зиях и университетах»¹. Правда, на практике этим законоположением смогли воспользоваться лишь немногие, поскольку основная масса еврейского населения жила по традиционному национально-религиозному укладу, в рамках средневекового кагального самоуправления, запрещавшего обучение детей в общеобразовательных светских школах, но поощрявшего ранние браки в 13–14 лет. Кроме того, под предлогом радения о нравственности христианского населения и необходимости оградить его от экономических «утеснений» со стороны евреев, им запрещалось содержать в сельской местности питейные заведения, постоянные дворы, заниматься арендаторством, а также намечалось их выселение оттуда в города и местечки.

Наследовавший Александру I Николай I, при ком значительно усилились милитаризация и бюрократизация российской жизни, заслужил у евреев недобрую память. Этот император задался целью «перековать» евреев в «полезных» для государства подданных, для чего предпринял попытку коренного преобразования еврейского быта, считавшегося в свете веяний европейского Просвещения исполненным предрассудков, невежества, косности и фанатизма. Поскольку «корень зла» усматривался в вековой этнокультурной обособленности евреев, во главу угла была поставлена задача их форсированного слияния с остальным населением. Для достижения этой цели был осуществлен широкий комплекс реформ: введение насильственной рекрутчины и создание солдатских школ кантонистов для малолетних евреев, коим предстояло принять православие и отбыть 25-летний срок воинской службы (1827 г.); упразднение кагалов (1844 г.); запрет на ношение традиционной одежды (1850 г.); учреждение в черте оседлости в противовес хедерам (начальное религиозное обучение) казенных еврейских училищ — начальных и раввинских (1844–1847 гг.)².

---

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 28. № 21547.

² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 23. № 17006. Собр. 2. Т. 36. Отд. 2. № 37684. Т. 40. Отд. 2. № 42264; *Гессен Ю. И.* Указ. соч. С. 140–157.

Поскольку проводившаяся Николаем I аккультурация еврейских подданных была сопряжена с насильственной христианизацией, она вызывала у многих из них ментальную идиосинкразию. Поэтому законоположение о том, что еврей с принятием христианства освобождается от наложенных на иудеев правовых ограничений¹, не было особенно эффективным.

Следующий рубеж на пути эмансипации и еврейства был достигнут во многом благодаря либеральным реформам Александра II. Если Николай I «вгонял» евреев в русское общество по преимуществу административно-силовыми методами, так сказать, кнутом, то его сын и преемник избрал для достижения того же самого тактику пряника, стимулировавшую (предоставлением социально-имущественных прав и привилегий) социальную модернизацию прежде всего наиболее состоятельного общинного слоя евреев (крупных торговцев, предпринимателей и т.п.), представители которого имели бóльшую социальную мотивацию для самореализации внутри российского социума. Главной особенностью «еврейских реформ» Александра II была их избирательность и постепенность. Скажем, право селиться вне черты оседлости получили сначала лишь те евреи с высшим образованием, которые имели ученую степень (1861 г.), и только в 1879 г. — все обладатели университетских дипломов². Такой же привилегией были наделены купцы I гильдии, аптекари, ремесленники некоторых «дефицитных» специализаций. Временное право жительства вне «черты» получили студенты, ученики ремесленников, купцы низших гильдий.

Однако даже такие осторожные правительственные послабления вызывали ощутимое социальное недовольство, причем не только в консервативно ориентированных слоях общества, но и у русской интеллектуальной элиты. Значительная ее часть настороженно относилась к инфильтрации образованных евреев в свою среду, возможно, потому, что те, в отличие от соплеменников в Европе, продолжали в большинстве

---

¹ Свод законов Российской империи. Т. IX. Ст. 776.

² ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 36. № 37684.

своем пребывать в лоне культурного традиционализма местечек «черты» и не спешили становиться христианами.

Болезненность ассимиляционного процесса усугублялась еще и наметившимся с середины 1870-х гг. общим торможением реформ в России. Царь так и не решился уравнивать евреев в правах с другими подданными империи, тогда как в основных странах Европы законодательная эмансипация евреев стала тогда свершившимся фактом: во Франции — еще в 1791 г., в Великобритании — в 1860-м, в Италии — в 1861-м, в Австро-Венгрии — в 1867-м, в Германии — в 1871-м, в Болгарии — 1878-м. (К началу 1917 г. антиеврейские рестрикции существовали в Европе только в России и Румынии.)

Трагическая гибель Александра II, вызвавшая в начале 1881 г. волну массовых еврейских погромов, которые известный славянофил И. С. Аксаков квалифицировал как справедливый народный гнев против «гнета еврейства над русским местным народом»¹, привела к ужесточению «еврейской политики» нового царя Александра III, инициировавшего антилиберальные контрреформы. В результате прежний курс на культурную модернизацию еврейства сменился опасливым сдерживанием его социальной активности, в первую очередь, путем возврата к архаичным методам этноконфессиональной изоляции внутри городских поселений «черты оседлости». Всплеск антиеврейских утеснений был во многом обусловлен влиянием, оказывавшимся на Александра III обер-прокурором Святейшего синода К. П. Победоносцевым, заявившим в начале 1890-х гг. англичанину А. Уайту (представитель немецко-еврейского филантропа барона М. Гирша): «Еврей — паразит, удалите его из живого организма, внутри которого и на счет которого он живет, и пересадите его на скалу — и он погибнет»².

---

¹ *Солженицын А. И.* Двести лет вместе (1795–1995). Ч. I. М., 2001. С. 197.

² *Дубнов С. М.* Новейшая история еврейского народа. Т. 3. М., 2002. С. 147. Когда в 1898 г. другие делегаты барона Гирша обратились к Победоносцеву с просьбой разрешить создание в России еврейских земледельческих колоний, тот отказал, сославшись на то, что «еврей способнее и образованнее русского и может его вытеснить из хозяйственной жизни».

Еще раньше масло в огонь официального антисемитизма подлило и сенсационное газетное разоблачение 1881 г. коррупционной деятельности «еврейской» компании «Греггер, Горвиц, Коген и Варшавский», нажившейся во время войны с Турцией (1877–1878 гг.) на поставках бракованной продукции интендантству русской армии. Отражая антиеврейские веяния в верхах, вновь назначенный министр внутренних дел Н. П. Игнатъев ясно дал понять представителям еврейства, что им «нечего рассчитывать на льготы, на расширение прав», заявив при этом, что погромы «вызваны самими евреями» и что для евреев «теперь открыта западная граница»¹.

Резкий переход верхов от политики абсорбции еврейства русским обществом к отторжению от него был законодательно закреплен в дискриминационных «Временных правилах о евреях» от 3 мая 1882 г., а также в последующих ограничительных мерах: запреты на проживание в сельских местностях черты оседлости и в 50-верстной полосе вдоль западной границы империи (последнее действовало до 1904 г.); циркуляры министра народного просвещения И. Д. Делянова 1887 г. о введении процентных норм для евреев, поступавших в высшие и средние учебные заведения²; ограничение 1889 г. на прием евреев в адвокатуру; наложение препонов в 1891–1892 гг. на их участие в земском и городском самоуправлении и т. п. Апострофом такой политики стала предпринятая в 1891–1893 гг. массовая административно-полицейская акция по выселению до 20 тыс. евреев из Москвы. Помимо Московской губернии евреям был полностью запрещен въезд и проживание в Финляндии, Кубанской и Терской обла-

---

Поинтересовавшись тогда у всесильного царедворца, что будет с российскими евреями, если положение их не изменится, разочарованные иностранцы услышали откровенный ответ: «Одна треть вымрет, одна треть выселится из страны, одна треть бесследно растворится в окружающем населении» (*Дубнов С. М.* Указ. соч. С. 154).

¹ Источник. 1993. № 3. С. 62.

² *Zeifman N.* Еврейский аспект охранительной политики Александра III (К истории введения процентных норм) // *Judeo-Slavic Interaction in the modern Period / Jews and Slavs (Jerusalem)*. 1995. Vol. 4. P. 150–151.

стях и некоторых других местностях. К концу XIX в. лишь 6% российского еврейства проживало вне черты оседлости, а в Европейской России и того меньше — 4% (чуть более 211 тыс. человек)¹.

Государственная служба евреям была закрыта, доступ к свободным профессиям (например, адвоката) ограничивался. В армии еврей не мог быть даже унтер-офицером. В гвардию и пограничные войска евреев не допускали. Всплеск правительственных притеснений евреев при Александре III заметно повлиял на настроения в еврейском социуме. На смену массовым ассимиляционным стремлениям приходит альтернативный рост национального самосознания в духе громко заявившего о себе тогда европейского этатического национализма (прелюдия к возникновению сионистского движения в 1897 г.). Стремительно нарастал и процесс революционизации еврейства, начавшийся еще в 1870-е гг. с участия в народническом «хождении в народ».

Наряду с массовым уходом во «внутреннюю эмиграцию» (национализм) среди евреев отмечался и бурный рост эмиграции внешней. Значительно обгоняя другие государства мира по количеству подданных еврейской национальности (по переписи населения 1897 г. в империи насчитывалось 5215800 евреев), Россия превратилась в страну массового исхода еврейства. В 1881–1914 гг. ее покинули 1,7 млн евреев, большая часть (85%) которых осела в США².

Однако активизировавшееся при Александре III сближение России с западными демократиями (главным образом с Англией и Францией), в которых еврейство пользовалось существенным влиянием, не позволило царскому правительству пойти на значительное усиление государственного антисемитизма. Более того, ветшавшая с каждым десятилетием

---

¹ *Лещинский Я.* Еврейское население России и еврейский труд // Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 188–189.

² *Народы России: Энциклопедия.* М., 1994. Т. 1. С. 155; *Руд Ч., Степанов С. А.* Политический сыск при царях. М., 1993. С. 275.

самодержавно-бюрократическая власть вынуждена была под напором общественного протеста идти на все большие послабления в еврейском вопросе. Особенно это стало очевидным в период правления последнего русского царя Николая II, который в 1903–1905 гг. разрешил свободное проживание евреев в 291 селении в пределах черты оседлости. К тому же к 1910 г. количество евреев в высших технических учебных заведениях России достигло 25 615 человек, что составило 10% от всех обучавшихся там студентов. И это несмотря на существование ограничительных квот, которые в черте оседлости равнялись 10%, в столицах — 3%, а в прочих регионах — 5%¹.

Впрочем, в начале 1900-х гг. произошел и всплеск брутальной юдофобии социальных низов, запомнившийся страшным кишиневским погромом (апрель 1903 г.), жертвами которого стали 45 убитых, а также 400 раненых и искалеченных. Пройдет еще два с половиной года, и в 1905 г. по России прокатится новая волна так называемых октябрьских погромов, которые обернутся куда более мрачной статистикой. Только с 18 по 29 октября эксцессы со смертельными случаями произошли в 660 местечках и городах империи, где, по общественным подсчетам, погибли от 3500 до 4000 человек, а 10 тыс. были ранены². Куда меньшими оказались официальные данные: 810 убитых и 1770 раненых. Некоторые исследователи утверждают, что среди пострадавших было только 1928 евреев, в том числе 711 убитых. Главной причиной этой вакханалии средневековой жестокости стал паралич власти, наступивший после известного царского манифеста от 17 октября. Возникшая тогда атмосфера вседозволенности и безнаказанности и спровоцировала приступ агрессивной ксенофобии, от которого пострадали главным образом незащитные простые люди, в том числе и неевреи. Например, жертвами произошедшего 22 октября 1905 г. в Вятке черносотенного побоища стали шесть

---

¹ Еврейская энциклопедия (ЕЭ): В 16 т. СПб., 1906–1913. Т. 13. С. 674.

² Большая советская энциклопедия (БСЭ). 1-е изд. Т. 24. М., 1932. С. 146.

случайных русских обывателей, растерзанных беснующейся толпой¹. Кровавые зверства продолжались и в следующем году, когда только в ходе печально знаменитого белостокского погрома (июнь 1906 г.) погибли 73 еврея и 11 христиан (были приняты за евреев)².

Между тем с весны 1906 г. атрофия власти стала постепенно сходить на нет, и она все решительней стала противодействовать революционной смуте, в том числе и черносотенному разгулу. В роли главного «стабилизатора» социально-политической ситуации в России выступил тогда П. А. Столыпин, назначенный сначала министром внутренних дел, а потом и председателем Совета министров. Предпринимая крутые меры к наведению порядка в стране и взяв курс на ее экономическую модернизацию, он помимо прочего попытался пересмотреть и наиболее одиозные законоположения об инородцах и иноверцах. По «всеподданнейшему докладу» Столыпина Николай II 1 июня 1906 г. повелел снять наложенный еще в сентябре 1892 г. запрет на открытие московской хоральной синагоги в специально возведенном здании в Спасоглинищевском переулке³. В октябре 1906 г. этот премьер-министр предложил Государственному Совету отменить некоторые ограничения в отношении «лиц иудейского вероисповедания», поскольку те «имеют законные основания домогаться полного равноправия». Тем самым он надеялся «успокоить неревolutionную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений». Однако Николай II отклонил эту инициативу, ссылаясь на некий внутренний голос, который «все настойчивее» твердил ему не брать на себя этого решения. Вместе с тем еще раньше, в декабре 1905 г., император радушно приветствовал депутацию от ра-

---

¹ Независимая газета. 2001. 27 февраля.

² Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 57; Рууд Ч., Степанов С.А. Указ. соч. С. 299.

³ Лобовская М.А. История Московской хоральной синагоги. М., 2006. С. 107.

дикально-националистического «Союза русского народа», приняв с благодарностью от его руководителя А. И. Дубровина членский значок этой организации¹.

Тем не менее Столыпин продолжал действовать в том же направлении. В целях обуздания погромной пропаганды он приказал расследовать происхождение пресловутых «Протоколов сионских мудрецов», впервые полностью опубликованных религиозным мистиком С. А. Нилусом в 1905 г. В результате было установлено, что те от начала до конца были сфальсифицированы. Впоследствии П. Н. Милуковым и В. Л. Бурцевым было доказано, что «Протоколы» появились на свет по указанию заведующего заграничной агентурой царского МВД П. И. Рачковского и при участии скандального репортера И. Ф. Манасевича-Мануйлова. Но непосредственным их составителем был завербованный охранкой журналист М. В. Головинский².

Когда премьер доложил императору о фальшивом характере «Протоколов», тот распорядился «избавиться» от них, заметив назидательно, что «нельзя святое защищать подлыми средствами». Впрочем, эти прочувствованные слова, будучи навеяны психологическим давлением волевого премьер-министра, носили, скорее всего, ситуационный и притворный характер. Ведь известно, что мистически настроенный Николай вплоть до последних своих дней искренне верил в существование всемирного еврейского заговора³.

Жизнь Столыпина закончилась трагически. В начале лета 1911 г. он разработал проекты реформ, открывавших перед Россией реальную перспективу превращения в современное правовое государство. Поскольку премьер-министр полагал, что «все народы, населяющие Россию, должны быть полно-

---

¹ Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Ред.-сост. О. В. Будницкий. М.; Иерусалим, 1999. С. 11; *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. Л., 1970. С. 199.

² *Степанов С. А.* Указ. соч. С. 28.

³ 7 апреля 1918 г. бывшая императрица Александра Федоровна записала в своем дневнике: «Николай читал нам протоколы франкмасонов» (*Пайнс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 311).

правными гражданами», он хотел отменить черту еврейской оседлости, другие этноконфессиональные ограничения, создать министерство национальностей. Однако осуществить свои замыслы Столыпин так и не успел. 1 сентября он был смертельно ранен в Киеве евреем Д.Г. Богровым, сотрудничавшим с охранным отделением, но совершившим это преступление по личной инициативе, в силу «импровизации»¹. Убийца происходил из семьи, в которой исповедовались умеренно-либеральные взгляды. Его дед, писатель Г.И. Богров, выступал за ассимиляцию евреев, незадолго до смерти он перешел в православие. В том же духе был настроен и отец, одобрявший деятельность Столыпина. Однако сам Д.Г. Богров воспринимал царского премьера исключительно как реакционера, шовиниста и душителя свободы. За полтора года до убийства Столыпина он признался своей знакомой: «Я ненавижу одного человека... Столыпина. Быть может, оттого, что он самый умный, талантливый и самый опасный враг, а все зло в России — от него»².

Утратив с гибелью Столыпина одну из главных политических опор, российская государственность вступила в период интенсивного саморазрушения. В этой связи наиболее символичным стало возникшее в том же Киеве и тогда же, в 1911 г., «дело» Менахема Менделя Бейлиса — приказчика одного из местных кирпичных заводов, арестованного по обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика Андрея Ющинского. И хотя через два года Бейлиса за недоказанностью вины освободили, судебный процесс над ним знаменовал собой колоссальную глобальную самодискредитацию царской монархии, поддерживавшей реакционные силы, сформировавшие позицию государственного обвинения на основе исполненно-средневекового суеверия кровавого навета на евреев.

Подобные позорные действия властей чрезвычайно пагубно повлияли на морально-политическую консолидацию общества, которая в связи с разразившейся вскоре Первой мировой

---

¹ Наше отечество: Опыт политической истории. Т. 1. М., 1991. С. 247.

² Рууд Ч., Степанов С.А. Указ. соч. С. 262.

войной приобрела первостепенное для страны значение. Правда, когда пробил этот час суровых испытаний, умеренно-либеральная часть еврейской общественности все же продемонстрировала патриотические чувства¹.

То, что это были не просто сказанные по случаю торжественные слова, свидетельствовал хотя бы факт, что в России, в которой к началу войны проживало примерно $\frac{2}{3}$ евреев мира, под ружье было поставлено около полумиллиона нижних чинов из числа представителей этой национальности². Наверняка осознавая существенную роль еврейства в удовлетворении жизненно важных потребностей воюющей страны, Николай II принял 12 декабря 1914 г. в Большом Кремлевском дворце представителей московских еврейских организаций, передавших ему добровольный взнос на нужды армии и флота в 15 тыс. рублей³.

И все же для многих российских евреев не были характерны верноподданнические настроения. Скорее, наоборот, в массе своей они негативно относились к властям предрержащим, что в значительной мере было обусловлено и застарелой официальной дискриминационной политикой, и новым пароксизмом юдофобии верхов, проявившейся в ходе начавшейся войны в виде насильственного административного выселения евреев в глубь страны из западных прифронтовых районов. Депортация проводилась военными, пытавшимися найти козла отпущения за боевые неудачи весны—лета 1915 г. Возможно, не без их участия распространялись тогда нелепые слухи о том, что евреи переправляют золото врагу на аэропланах, в гробах, под крыльями птиц, во внутренностях гусей, что они передают различные сигналы противнику посредством ве-

---

¹ Депутат IV Государственной думы от фракции кадетов Н. М. Фридман зачитал тогда декларацию, содержащую следующее заверение: «В настоящий час испытаний, следуя раздавшемуся с высоты престола призыву, мы, русские евреи, как один человек, станем под русские знамена и положим все свои силы на отражение врага» (БСЭ. 1-е изд. Т. 24. С. 82).

² *Пайнс Р.* Указ. соч. С. 123.

³ *Лобовская М. А.* Указ. соч. С. 121.